

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ БОЛГАРИИ: ИСТОРИОПИСАНИЕ БЕЗ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: Болгарская средневековая литература – единственная развитая литературная традиция средневековой Европы, в которой отсутствуют – либо совершенно не сохранились, включая упоминания, – оригинальные сочинения традиционных для других европейских культур исторических жанров. Старейшая болгарская летопись относится ко времени после окончательного падения средневековой государственности и остается изолированным явлением (что в последнее время породило сомнения в ее болгарской атрибуции). В довольно богатой болгарской агиографии отсутствуют жития светских правителей, ставшие основным историческим жанром в соседней Сербии. Вместе с тем, в литературе болгарского средневековья широко представлены, с одной стороны, переводы и компиляции византийских исторических сочинений, с другой, оригинальный жанр апокрифов – т.н. «историческая апокалиптика». В статье рассматриваются причины этого явления вытекающая из него специфика картины прошлого, отраженной в болгарской словесности X–XV вв.

Ключевые слова: Средневековая Болгария, историография, историописание, летописание, апокрифы, историческая апокалиптика, Первое Болгарское царство, Второе Болгарское царство

Об авторе: Алексеев Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, 141406, Московская область, г. Химки, ул. Библиотечная, д. 7, pro1972@mail.ru

Болгарская средневековая государственность восходит к Болгарскому ханству, основанному тюркоязычными племенами болгар-оногуров на завоеванных и заселенных до этого славянами, придунайских землях Византии. На протяжении конца VII–второй половины IX в. шел долгий и сложный процесс государствообразования и одновременно сближения двух этносов. Кульминацией его стало

принятие христианства при хане, затем князе Борисе (Богорисе), за которым последовало восприятие славянского письма. При сыне Бориса Симеоне в Болгарии учениками Кирилла и Мефодия была создана новая славянская азбука, ныне носящая имя кириллицы. В эти же десятилетия на рубеже IX–X вв. сложилась богатая литературная традиция, включавшая богослужебные тексты, богословские труды, жития святых. Симеон первым выдвинул претензии на престол «василевса болгар и ромеев», став основателем Первого Болгарского царства (918 г.). Тогда же первый раз добилась автокефалии Болгарская церковь. В 969–1018 гг. Болгария была завоевана Византией, и царство прекратило существование. Завоевание сопровождалось подчинением Болгарской церкви Константинополю и, в частности, упадком славянской книжности.

После ряда безуспешных восстаний Болгарии в 1185 г. во главе с братьями Асенями удалось обособиться от Империи. Асени вновь приняли императорский-царский титул и восстановили автокефалию Болгарской церкви. Расцвет Второго Болгарского царства, начало которому положил царь Калоян в 1204–1205 гг., продлился до монгольского нашествия 1242 г. После этого Болгария, отчасти завоеванная вытесненными монголами на запад куманами-половцами, попала в зависимость от Золотой Орды. Внутренние смуты (например, захват власти крестьянским царем Ивайло в 1270-х гг.), войны с Византией и Сербией способствовали дальнейшему упадку государства. Временное укрепление его произошло при куманской по происхождению династии Шишманов в XIV в., восстановившей независимость Болгарии. Этот период отмечен также новым подъемом болгарской культуры, в том числе активным литературным творчеством. В 1396–1422 гг. Болгария, вновь раздробившаяся на отдельные владения, была завоевана турками-османами. Это сопровождалось разорением страны, гибелью, изгнанием и принудительной ассимиляцией светской знати, эмиграцией образованной духовной

элиты. Следствием же стала не только политическая, но и культурная катастрофа.

Бурные перипетии политической истории Болгарии, неустойчивость государственности – одно из возможных объяснений отсутствия в болгарской литературе традиционных исторических жанров. Однако это едва ли объяснит тот факт, что сохранившиеся памятники болгарского летописания¹ XV–XVII вв. относятся к эпохе османского владычества. Следует отметить и то, что иные жанры средневековой словесности представлены в сохранившейся болгарской книжности весьма обильно. Так, короткий период расцвета Первого царства, «золотой век» болгарской книжности, дал около 130 сохранившихся сочинений, не считая нескольких десятков переводов с греческого.

Это ослабляет весомость и другого, более распространенного и лежащего на поверхности объяснения – мнения о гибели всех имевшихся исторических сочинений во время внешних завоеваний. Прежде всего, следует оговорить, что массовая гибель письменных источников по истории Болгарии действительно имела место. Достаточно отметить, что число дошедших до нас грамот болгарских царей (все Второго царства) – 13, включая сохранившиеся за пределами Балкан латиноязычные. Ряд болгарских литературных памятников сохранился только в греческих переложениях или поздних русских обработках. Однако версия гибели исключительно повествовательных исторических сочинений об отечественной истории, всех до единого, при сохранности других жанров не кажется убедительной.

¹ Славянский термин «летопись» («летописец», «летописание») являлся калькой с греческого *χρονογραφία* и обозначал любые произведения, излагавшие события в хронологической последовательности с теми или иными указаниями на годы (в частности, годы правления). Это отражено в названиях, как оригинальных, так и данных исследователями, ряда рассматриваемых здесь памятников. В то же время в тексте статьи как таковом, в том числе и здесь, термин, как и принято в основном в современной науке, употребляется применительно к памятникам типа русских летописей и западноевропейских анналов, излагающим события погодно.

Болгарская литература вызывала интерес в Сербии, Дунайских княжествах и России. Многие ее жанры представлены единичными поздними списками – но всё же представлены. Как увидим, болгарские переводы и компиляции византийских хроник сохранились вполне. Кроме того, настораживает отсутствие даже упоминаний оригинальных летописей или иных «историй».

В качестве одной из причин отсутствия интереса к созданию оригинальных исторических сочинений напрашивается наличие иной формы сохранения исторической памяти – монументальной эпиграфики. Она восходит ко временам Болгарского ханства, когда и переживает расцвет [6]. Несколько ханов VIII–IX вв. запечатлели свои деяния на самом значительном памятнике этого рода – т.н. Мадарском камне, украшенном рельефом в виде всадника [6: 97-116]. Ханы IX в. до крестителя Болгарии Бориса включительно оставили еще несколько т.н. «летописных» надписей [6: 116-152]. К ним примыкают по содержанию документальные (военный приказ, мирные договоры), строительные и поминальные надписи того же периода, иногда превышающие «летописные» размером.

Происхождение монументальной эпиграфики Болгарского ханства не очень понятно. Наиболее близким культурно-историческим аналогом являются каменные «летописи» правителей и вельмож тюркских каганатов VIII–IX вв. Но их хронология исключает прямую связь. Вероятнее подражание античным и отчасти ранневизантийским образцам. Обращалось внимание на сходство «Мадарского всадника» с персидскими и фракийскими рельефами.

Традиция составления монументальных грекоязычных надписей сходит на нет с распространением славянской письменности. Однако она нашла частичное продолжение в славяноязычной эпиграфике Первого и Второго царств. В ней встречаются и пространные надписи летописного и частично летописного содержания. В этом смысле болгарская культура заметно отличается от других культур Православной Славии – русской и сербской. Но всё же в

основном «исторические» надписи представляют собой традиционные и для византийской культуры строительные и памятные типы. От эпохи Первого царства, например, чисто летописная надпись сохранилась, причем крайне плохо, всего одна, к тому же не царская (Добруджанская 944 г.). Так что сводить отсутствие оригинальной «историкографии» на пергамене и бумаге только к «летописанию в камне» едва ли следует. Тем более, что «задел» для ее возникновения имел место, в ту же эпоху Болгарского ханства.

Т.н. «Именник болгарских князей» [16²; перевод на современный русский язык см.: 21:176-177] сохранился в составе русских хронографических компиляций, восходящих к Хронографу царя Симеона, речь о котором пойдет далее. Он представляет собой перечень ханов, начиная с легендарного «Авитохол» (под которым следует видеть Аттилу, поскольку его наследником называется сын и наследник Аттилы Ирник) до 769 г. Перечень включает минимум комментариев, в основном указания на сроки правления и родовую принадлежность ханов. Иногда в нём выделяют первую часть, созданную вскоре после переселения болгар на Дунай. Первоначальный язык перечня, несомненно, не славянский. Он изобилует тюркизмами (в частности, тюркскими обозначениями лет по дальневосточному циклу и, возможно, месяцев). Но некоторые особенности лексики и явно плохое понимание уже составителем второй части тюркского календаря указывают на греческий язык-посредник. Это и естественно предполагать, поскольку официальным языком смешанного по составу населения Болгарского ханства являлся греческий. Сохранившийся славянский текст создан не ранее конца IX в., а скорее, уже в начале X в. для Хронографа Симеона. «Именник» – перечень этнических правителей с внима-

² Другое название (отраженное и в указанном издании) – «Именник болгарских ханов»; научно оно более точное, но содержанию сохранившегося текста, где правители названы по-славянски князьями, соответствует меньше.

нием к их генеалогии – достаточно типичен для раннего периода историописания народов средневековой Европы.

В Великой Моравии, при создании славянской письменности, переводов греческих или латинских исторических сочинений не предпринималось. Объяснимо это как их малой актуальностью для местной элиты, так и тем, что главной задачей являлось создание фонда религиозной литературы. На Руси, например, первые переводы греческой историографии были предприняты примерно через 40–50 лет после Крещения, на фоне или в канун зарождения собственно русской летописной традиции. В Болгарии, однако, дело обстояло иначе. Обращение к византийской исторической литературе произошло сразу после рождения кириллической письменности (а возможно, еще в короткий глаголический период), в правление Симеона.

Нам известно шесть сочинений исторического содержания от эпохи Первого царства, четыре из которых являлись переводами, а два – компиляциями на переводной основе. «Историкии», считающиеся древнейшим памятником болгарской исторической литературы [9], были написаны Константином Преславским, учеником Мефодия, в 893/4 г. Следует отметить, что «Историкии» сохранились не как самостоятельное произведение, а как хронологическое примечание в конце одного из списков созданного Константином «Учительного Евангелия». Их смысловой центр – прерывающее перечень имен и сроков примечание о соотношении христианской и еврейской Пасхи. «Историкии» – очень небольшой текст, представляющий собой в начале перечисление библейских поколений от Адама. Затем следует список вавилонских, персидских и греко-египетских царей, римских и византийских императоров. Единственное упоминаемое событие болгарской истории – гибель от рук болгар императора Никифора в 811 г. Другое историческое событие (помимо Рождества и Воскресения Христова), удостоенное особого комментария – гибель Клеопатры и переход царства к Августу. Это стоит запомнить.

Одним из источников Константина являлся «Краткий хронографикон» патриарха Никифора Константинопольского. Тогда же или позднее он был переведен на славянский язык. Сокращенная и дополненная из других греческих источников версия перевода была включена как хронологическая справка в Изборник царя Симеона. Она сохранилась в его древнерусском изводе – Изборнике Святослава 1073 г. Полная версия так же вошла позже в древнерусскую традицию как «Летописец вскоре» [17].

Самой пространной исторической компиляцией этого времени стал т.н. Хронограф царя Симеона, включавший сведения из Библии, византийских хроник и «Именник болгарских князей». Он также сохранился в древнерусском изводе, став основой первой редакции «Летописца Еллинского и Римского», но еще ранее – образцом для первых русских хронографов XI–XIII вв. Сведения по болгарской истории в основном ограничивались источниками хронографа – хрониками Иоанна Малалы, Георгия Амартола и «Именником».

Из переводов крупных византийских хроник к эпохе Первого царства относится перевод хроники Малалы, охватывавшей период с библейских и мифологических античных времен до середины VI в. [13] Ко временам Симеона относится и появление первого славянского перевода древнегреческого романа об Александре Македонском – «Хронографической Александрии» [12]. Не исключено, что в конце Первого царства выполнен первоначальный перевод хроники Симеона Логофета середины X в., сохранившейся в славянской версии XIV в. [22] Характерно, что все византийские хроники, переведенные или использованные в Болгарии, излагали историю от сотворения мира.

Здесь стоит отметить, что у таких хроник была одна особенность, заметно отличающая их и от русских летописей, и от большинства исторических сочинений Западной Европы. Они не являются этническими историями ни «эллинов», ни «ромеев». В фокусе внимания их авторов библейские сюжеты, с одной стороны, и сменяющие друг

друга мировые царства – с другой. История Греции и Рима выходит на первый план только после походов Александра и основания империи, соответственно. Переводы этих хроник в Болгарии были вполне в русле политики создававшего собственное мировое царство Симеона. И болгарская история «прорастает» в его хронографе через *Именник* и упоминания болгарских войн с Византией – так же, как прорастала римская история из эллинистической, а эллинская из персидской в хрониках-образцах³.

Следует сказать, что тенденция к историзму обозначилась в болгарской житийной литературе столь же рано, как в других славянских. Образцом здесь служили Паннонские жития Кирилла и Мефодия. Жития Климента и Наума Охридских (первое дошло только в греческой обработке Феофилакта Болгарского [8:10-41]; второе в единственном списке на языке оригинала, возможно, в сокращении [10:306-307]) служат фактически их продолжениями. Они подробно рассказывают о последних десятилетиях истории Великой Моравии, а Житие Климента не менее подробно описывает и христианизацию Болгарии. При этом дается масса деталей, касающихся исключительно политической истории. Такой же характер носит и другой труд Феофилакта – «Мученичество 15-и тивериопольских мучеников» [8:42-79], вторая часть которого тоже посвящена крещению Болгарии. И в этом сочинении заметно наличие славянского источника (общего с русской «Повестью временных лет» и болгарской «Повестью полезной о латынах» XII в.⁴). Раздел, посвященный чудесам древних римских

³ Ср. оценку ведущего отечественного специалиста по средневековой болгарской литературе Д.И. Польшанного: «Упоминания о болгарском прошлом в переведенных с греческого всемирно-исторических повествованиях (кратких хрониках, произведениях Иоанна Малалы и, возможно, Георгия Амартола) позволяли видеть в мировой истории и историю болгар» [19: 68].

⁴ О наличии «некоего общего славянского источника экскурсов о происхождении болгар в ПВЛ и “Повести полезной о латынах”» см. 18: 157–158. С «Мученичеством 15-и тивериопольских мучеников» тот же отрывок «Повести временных лет» о нашествиях кочевников на славян

мучеников, фактически представляет из себя и очерк истории Болгарии VII–IX вв.

Здесь интересно и то, что памятник оказывается «греко-болгарским» по содержанию, представляя Первое царство наследником древней доболгарской святости на его территории. В этом отношении он сходен с т.н. «Сказанием о железном кресте» – сочинением о чудесах св. Георгия, в том числе во времена царя Симеона [см. об этом памятнике: 24:147-166]. Практически все житийные памятники Первого царства соединяют историзм с неограниченностью этнической историей. Их историческое пространство – история христианской веры в славянском мире, с одной стороны, и на Балканах, с другой. Это роднит ранние болгарские жития с «греко-болгарскими» по содержанию историческими сочинениями.

Таким образом, насколько уместно говорить об исторической концепции Первого царства (а как минимум о личной концепции царя Симеона, получившего византийское образование, говорить уместно), то она прямо вытекала из концепции политической. Болгария выступает как новое христианское царство, прямая наследница прежних мировых царств, сменяющая Византию. Этот переход определился еще в языческую эпоху, при гибели императора Никифора «от болгар», но завершиться может, конечно, только в христианскую, когда на престоле и появляется «василевс болгар и ромеев».

В этой связи очень показательно, что в литературе Первого Царства, в отличие от других молодых европейских государств, не проявился исторический жанр «происхождения народа». Его зародышевая форма – «Именник болгарских князей» – не получила никакого развития. В значительной степени это объясняется самим характером описанного в «Именнике» «происхождения». «Именник»

сближает упоминание об «обрах»-авах (причем в греческом тексте «Мученичества» явно в славянской, а не в привычной греческой огласовке), а также аналогичные обоим другим памятникам сведения о приходе болгар «из Скифии» [8:62].

был памятником «тюркской», собственно болгарской истории. Но тюрко-болгарский элемент уже ко временам Бориса в значительной степени ассимилировался. С момента принятия христианства, это стало не только естественным процессом, но и сознательной политикой. Новая культура единого государства создавалась не как тюрко-болгарская, а как славянская. Однако прошлое государства, связанное и с происхождением династии, являлось не славянским, а тюрко-болгарским. Переход в преемственности от болгарского к славянскому племенному прошлому было бы трудно обосновать. В итоге становилось неясно, какое «происхождение» соответствует говорящему и пишущему по-славянски «народу», исторический ориентир терялся. Конечно, важную роль сыграл и состав первоначального ядра образованной элиты. Для выходцев из Моравии история Болгарского ханства определенно была чуждой, а предания местных славянских племен они вряд ли знали. В итоге идея Болгарского царства как надэтнической мировой державы и преемницы Византии оказалась для исторического самосознания наиболее продуктивной⁵.

Падение Первого царства сопровождалось культурным упадком и, как следствие, сокращением местного литературного творчества. Оно в период византийского господства полностью анонимно и испытывает заметное влияние «снизу», со стороны народных преданий и представлений. В XI–XII вв. создавались немногочисленные, часто легендарные по содержанию, жития. Среди них особо выделяется короткая т.н. «Солунская легенда» [10:282-283; см. также: 26:311-321], где от лица св. Кирилла описывается изо-

⁵ Нельзя не согласиться с более общим заключением о средневековой болгарской духовной культуре, сделанным Д.И. Польшванным: «Из всех славян, смотревшихся в византийское “зеркало”, лишь Болгария постоянно стремилась перешагнуть (и перешагивала) грань «зазеркалья», создав еще в эпоху Симеона культурную модель, существование и развитие которой всецело зависело от византийского образца, находясь с ним в постоянном и динамичном диалоге. Трансформация содержания этого симбиоза-противостояния и составила суть всего дальнейшего развития средневековой болгарской духовной культуры» [19:70].

бретение славянской азбуки и крещение славяно-болгар. Внешне историческое, это сочинение не сообщает практически ни одного вполне достоверного факта. К этому же периоду относится немало памятников оригинальной апокрифической литературы. Логично связать это, помимо прочего, с растущей популярностью богомильской ереси, получившей возможность подавать себя как собственно «болгарскую» веру.

Именно в это время развивается т.н. историческая апокалиптика – самый распространенный в болгарской средневековой литературе исторический жанр. Принцип создания и назначение такого рода произведений, описывающих минувшую историю от лица древних прорицателей, ясны. «Сбывшиеся» пророчества задним числом удостоверяли в глазах читателя или слушателя «действительные» предсказания на будущее, предлагаемые авторами. Сами по себе такие «истории в пророчествах» далеко не чужды христианской Европе в целом. Непосредственным прообразом их в византийском культурном пространстве послужили позднеантичные «Книги Сивилл». В славянском мире популярность получил переведенный впервые в Болгарии X в. и позже отредактированный апокриф «Откровение Мефодия Патарского» [26:161-182]. Уникальны количество оригинальных сочинений такого рода в болгарской литературе и их превалирование над другими историческими жанрами.

К числу наиболее ранних памятников XI в. относятся «Толкование Даниила» и «Сказание Исаии», где от лица библейских пророков излагаются, в весьма туманной и легендарной форме, события IX–XI вв. [26:109-160] Пространство действия – Болгария и Византия, лишь отчасти противопоставляемые друг другу. Смысловое ядро обоих памятников представляет собой эпическое сказание о вожде восстания 1040–1041 гг. Петре Деляне, который предстает как мифологический герой, победитель общих для болгар и греков внешних врагов [см.: 4:164-165, 238-239, 258-270, 424-428]. В одном памятнике ожидается его пришествие как «последнего царя». В другом – предсказывается

иной «последний царь» греков, болгар и всего мира в будущем, за которым последует рождение и явление антихриста.

Т.н. «Болгарская апокрифическая летопись» («Сказание Исаии пророка», далее БАЛ) [26:192-206; переводы на современный русский язык см.: 21: 180–185 и в приложении к статье; о памятнике см.: 5; 11:273-279; 14:240; 15:24-54; 18:160-161; 19: 117-121⁶] дошла до нас в единственном списке XVII в. (ГИМ, собр. А.И. Хлудова, №123). От других апокрифов БАЛ отличается количеством и подробностью конкретно-исторических сведений (хотя и весьма своеобразно поданных). Именно в ней мы впервые в болгарской литературе видим попытку связно описать историю Болгарии – от мифического Слава и Испора-Аспаруха до XI в. Как и в других апокрифах, история дается в виде пророчества. Притом появление его объясняется тем, что именно пророк Исаия по велению Бога привел болгар на Дунай.

Практически несомненно БАЛ создана представителями богомильской ереси. На это указывают и космологическая картина, данная в начале, и специфические черты морального учения (косвенное осуждение брака), и сюжетное сходство с несомненно богомильскими памятниками. Летописью в собственном смысле слова сочинение не является. Название условно и появлением своим обязано именно отсутствию в болгарской словесности до XV в. памятников действительного летописания (а также стремлением избежать путаницы со «Сказанием Исаии» и другими апокрифами под именем пророка).

Время создания БАЛ определяется упоминаниями в ее конце, в короткой собственно «пророческой» части, описывающей уже будущие, а не прошлые события, «царя Тургия» (т.е. турок-сельджуков) и печенегов. Угрозу для Византии (в состав которой входила тогда Болгария) оба эти врага представляли в промежуток 1071–1091 гг. Уточ-

⁶ Попытка доказать более позднюю датировку БАЛ предпринята Х. Трендафиловым [25].

нить дату позволяет предсказываемое немногим выше автором царствование в империи Арева. Армянин Арев, наместник Охрида, организовал неудачный заговор против императора Алексея I Комнина как раз в 1091 г. Относительное сочувствие ему автора, возможно, связано с приверженностью Арева павликианству, родственному богомилству. Возможно также, что памятник имел определенный пропагандистский смысл в конкретной ситуации начала 1090-х гг. Он проповедует концепцию единого Греко-Болгарского царства с центром в Константинополе и богомильской верой. Между тем, известно о попытке богомильского патриарха Василия обратить в свою веру самого Алексея Комнина.

БАЛ представляет почти чисто «народный» взгляд на историю, усложненный лишь представлениями богомилства, но не каким-либо знакомством с книжной историографией. В ней мы находим фантастические сроки правления, архаические мифы, топонимические предания, разные версии представлений об одних и тех же персонажах [см.: 4:165-167, 236-237, 389-396, 408-409, 422-424, 427-430, 587-590]. Иногда автор подставляет вымышленные имена «библейского» типа, заполняя естественные лакуны компилируемых им разрозненных фольклорных сюжетов. В его представлениях о византийской истории возможны абсурдные казусы вроде отождествления Константина Великого и Константина Багрянородного (немногим более века спустя после смерти последнего). Таким образом, при более чем проблематичной достоверности, БАЛ – ценнейший историко-культурный источник.

Строго говоря, это единственный в болгарской литературе пример произведения в жанре «происхождения народа». При этом пример в целом еще достаточно ранний, если не брать в расчет сравнительный возраст разных литературных традиций. БАЛ создана примерно в одно время с русским Начальным летописным сводом. Она несколько старше «Повести временных лет», «Богемской хроники» Козьмы Пращского и «Деяний князей польских» Анонима Галла, заметно старше «Летописи попа Дуклянина».

Ключевая разница заключается в том, что все перечисленные примеры отражали воззрения государственной элиты – как духовной, так и в той или иной степени светской. В основе их лежали родовые предания аристократии и большой или меньший фонд письменных источников. Даже созданная в пору развала Дуклянской державы и полная вымыслов о прошлом «Летопись попа Дуклянина»⁷ [см.: 1] выглядит более «историчной», отражая как минимум историю XI–XII вв. Болгарская же «летопись» – плод творчества не очень образованного представителя гонимого еретического учения в условиях иноземного господства, на основе устных преданий и собственных вымыслов.

С другой стороны, именно эта ситуация позволила автору выйти из того изначального тупика, который препятствовал более раннему созданию подобных памятников в элитарной среде. Для него и для его аудитории болгарское и славянское прошлое уже неразличимы. У истоков древнего царства стоят и мифический «царь Слав», воспринимаемый как болгарский, и – как его преемник – Аспарух (Испор). В повествовании о последнем находится место и тотемическому мифу (рождение чудесным образом от коровы), и героическому завоевательному эпосу. При этом, не забывая о насущной идее Греко-Болгарского царства, автор подчеркивает, что болгары заняли ничейную землю, еще до этого брошенную греками на неких «эфиопов»⁸. Однако создаваемая из разрозненных фрагментов картина прошлого не могла не быть «лоскутной», что весьма чувствуется в БАЛ. Фактически сочинение просто не вполне удачно имитирует известную у южных славян по «Летописи попа Дуклянина» традицию династического «родослова».

⁷ Которую, кстати, роднит с БАЛ еще и условность данного исследователями названия – на самом деле это династическая хроника-«родослов», где точные даты вовсе не используются.

⁸ Под последними имеются в виду, вероятно, моровлахи, выступающие в роли враждебных болгарам аборигенов и в «Летописи попа Дуклянина» [1:50] (ср. еще во вводной части «Повести временных лет» об изгнании «белыми уграми»-оногурами «прежде приавших» славянскую землю на Дунае «волохов»).

Историческая апокалиптика продолжала развиваться и в XIII в. Реалии того времени – возрождение Болгарского царства, распад Византии после Четвертого крестового похода, монгольское нашествие, – давали достаточно оснований для эсхатологических ожиданий. Неудивительно, что некоторые памятники представляют собой просто реакцию на актуальные события. Таковы переводные «Видения Даниила» [26:207-226] и особенно выразительное «Пандехово сказание» [26:241-250], где «предсказываются» судьбы разных балканских народов. Наиболее выраженный в предшествующий период жанр «истории в пророчествах» представлен «Видениями пророка Исаии о последних временах» [26:227-240]. Это сочинение охватывает короткий отрезок недавнего времени и по содержанию ориентировано на византийские события. В этом можно видеть как инерцию от предыдущих апокрифов с именем Исаии (все же более «болгарских»), так и признание ключевой важности именно происходящего с империей.

Греческое «Сказание Сивиллы» переработано из перечисления людских поколений в перечисление известных переводчику народов, с отдельными сведениями об их прошлом и настоящем [26:251-276]. Восхваление славян-болгар как первого и наиболее благочестивого рода соседствует с резким обличением нравов греков. Переводчик, знавший об императоре-иконоборце Льве Исавре только как о победителе арабов из греческого текста, наивно отождествил его с тезоименным отцом св. Кирилла, просветителя славян. Завершается текст описанием татарского нашествия и грядущего разгрома татар праведным царем Михаилом.

Общая главная тема исторических апокалипсисов XIII в. – исчерпание срока Византии как мирового царства (наиболее ярко выразившееся в «Пандеховом сказании»). Вместе с тем, и взгляд на перспективы Болгарского царства в этом жанре, в соответствии с общей его направленностью, скорее пессимистичен. История, по представлениям авторов апокрифов, движется к своему завершению, и

Болгария в лучшем случае даст миру «последнего царя». В качестве такового авторы «Пандехова сказания» и, возможно, «Сказания Сивиллы» ожидали малолетнего царя Михаила Асеня (автор «Пандехова сказания» – уже после его гибели).

Влияние традиции исторической апокалиптики видят и в относящемся к жанру вопросно-ответных апокрифов сочинении «Разумник-Указ» [26:277-308]. Здесь перечисляются три православных царства: Греческое, Болгарское и Иверское, соотносимые с лицами Троицы. Из них греки представят Богу только «царство» (как и в «Сказании Сивиллы»), тогда как болгары и иберы – «христианство». Во второй редакции появляется еще тема Алеманского царства как равного Греческому и Болгарскому перед Богом, но предназначенного Им для покорения «полуверных» людей.

Идея преемственности Второго царства как от Первого, так и от рухнувшей, казалось, в 1204 г. Византии, пронизывает и житийную литературу XIII–XIV вв. Мы видим в ней оригинальные жития и болгарских патриархов, и подвижников, и святых греческих, – но становящихся покровителями Болгарии. Цари Калоян и Иван Асень II, едва не воплотившие идею Болгаро-Греческого царства, переносили в Болгарию мощи и реликвии с покоренных земель. Принятие единства греко-болгарского агиографического процесса подчеркивает появление переводов греческих житий болгарских святых. Таковы болгарские версии «Жития Климента Охридского» Димитрия Хоматиана, «Жития патриарха Феодосия» Каллиста, «Жития преподобного Ромила» Григория.

Неудивительно, что в этот период переводятся и новые византийские хроники. Наряду с хроникой Симеона Логофета [22] в Болгарии появляется второй (после древнерусского XI в.) славянский перевод охватывавшей тот же период по средину X в. хроники Георгия Амартола и его продолжателя. Появился и перевод одной из крупнейших византийских исторических компиляций начала XII в. –

«Паралипоменон Зонары» [27] (возможно, был переведен или по меньшей мере бытовал в Болгарии и другой подобный памятник – хроника Кедрина). Эти памятники давали образованным болгарам общую картину византийской и мировой истории от сотворения мира по XII столетие.

Особое место в этом смысле занимал перевод стихотворной хроники XII в. Константина Манассии [23; перевод фрагментов основного текста и глосс на современный русский язык: 21:189-202; см. также: 19:173-179]. Перевод был предпринят в XIV в. по повелению царя Ивана Александра и стал наиболее ярким памятником литературы и книжности Второго царства. Уникален он и в том смысле, что сохранился в двух выполненных непосредственно с оригинала списках середины XIV в. Из них один (ГИМ, Син., №138) списан «попом Филиппом» в 1345 г. и попал в Россию с Афона в XVII в. Второй, Ватиканский список (Cod. Vat. slav. 2⁹) – богато украшенная миниатюрами рукопись, предназначавшаяся непосредственно для царственного заказчика.

Миниатюры не восходят к греческому оригиналу и сами по себе могут рассматриваться как оригинальный болгарский исторический труд. Идейный посыл хроники хорошо отражает титульная миниатюра в лист. На ней между благословляющим Иисусом Христом и «летописцем Манассией» предстает сам «Иоанн Александр, во Христа Бога вера царь и самодержец болгар и греков».

Хроника Манассии представляла собой скорее исторический эпос, чем обычную хронику от сотворения мира, и история сопредельных с Византией народов отражалась в ней лишь по крайней необходимости. Это поставило перед болгарским переводчиком сразу же осознанную им проблему, и он снабдил хронику многочисленными глоссами. Значительная их часть посвящена болгарской истории VII–X вв., которая, таким образом, оказывается буквально

⁹ Факсимильная электронная публикация: https://digi.vatlib.it/view/MSS_Vat.slav.2

«на полях» греческой. В Ватиканском списке глоссы по болгарской истории выделены красной киноварью, как и заголовки основного текста. Ряд из них проиллюстрирован миниатюрами.

Глоссы, связанные с церковной историей и ряд глосс по истории болгаро-славянской (например, о первом крещении Руси) связаны с «Паралипоменом Зонары». Однако есть глоссы или сведения в них, никаких параллелей у Зонары не имеющие, – в частности, о завоевании Подунавья болгарами в союзе с сербами и влахами [23:228]. Иногда в глоссах видят отражение несохранившегося историописания Первого царства. Полностью этого исключить нельзя, – по меньшей мере, автор глосс знал эту историю по достоверным источникам. Однако, с другой стороны, упомянутая первая из болгарских глосс скорее отсылает к политической ситуации времен Второго царства. Оно было основано болгарами и влахами, а в правление Ивана Александра после долгого соперничества достигло мира и союза с Сербией. Еще один яркий анахронизм – упоминание куманов вместо арабов как общих врагов Византии и болгар в начале VIII в. [23:228-229] Вопрос об источнике глосс остается спорным, и их наличие невозможно использовать как доказательство существования «летописей» Первого царства. Тем более, что никакие «летописи» собственно Второго царства нам неизвестны.

История в болгарской средневековой литературе есть история смены мировых царств, в которой Болгария еще не стала преемницей Византии, но вот-вот станет, точнее – уже становится. Пока что прежнее царство длится, но Болгария уже стала новым. Римская история вырастает на фоне, на «полях» истории эллинистического Египта. Но в конечном счете на смену Птолемееву царству приходит Римское. Так же прорастает на фоне византийской истории и история Болгарии – наиболее зримо в болгарской «Летописи Манассии». Восхождение к роли новой мировой монархии – цель и смысл болгарской истории. Вне этой цепи преемственности болгарская история бол-

гарской элитой не рассматривается и не осмыслиется. Этническое однозначно проигрывает в ее историческом самосознании имперскому, пусть хотя бы представляемому в будущем. Болгария осмыслиется в первую очередь как правопреемница – в высшем промыслительном смысле – Византии и всех предшествующих мировых держав.

В этом смысле болгарское историческое сознание точно следовало собственно византийскому. Ни одна византийская хроника от сотворения мира не являлась этнической историей. Везде обращение к истории «своего» народа следовало за историей библейских и мировых царств, происходило на их фоне. Как исчерпывающее представление такой исторической картины, переводные греческие хроники (именно этого жанра) и стали главным источником исторических знаний в Болгарии.

История средневековой Болгарии, особенно в национальной историографии Нового времени, часто трактуется исключительно или преимущественно как история греко-болгарского противоборства. В значительной степени это так. Но при этом легко забыть о цели такого противоборства, не раз принимавшего характер борьбы на уничтожение между двумя государствами (не «народами»!). А целью – ответом болгарской стороны на греческую идею отвоевания давних римских провинций – со времен Симеона являлось создание единого «царства болгар и ромеев». Борьба в глазах болгарской элиты шла не за понимаемую в духе Нового времени этническую «независимость», а за статус новой мировой империи, наследующей старой.

Только в пору османского завоевания появляется первый собственно летописный памятник, связанный своим происхождением с Болгарией. Т.н. «Болгарская анонимная летопись» (или «Болгарская анонимная хроника») [7; перевод на современный русский язык: 21:207-214; см. также: 19:212; 20] сохранилась в единственном списке XVI в. молдавского происхождения. Она описывает в непоследовательном погодном порядке, с заметными ошибками касательно событий первой половины XIV в., историю ту-

рецких завоеваний, доводя изложение до 1417 г. При этом история, описываемая автором, носит подчеркнуто надэтнический, общевосточный характер. Явным образцом и источником послужили создаваемые в тот же период византийские малые хроники. Событиям в Болгарии посвящена меньшая часть летописи. Всё это породило сомнения в болгарском происхождении памятника, сохранившегося в одном кодексе с молдавской и сербской летописями.

В последнее время вновь актуализировалась давно высказывавшаяся гипотеза о том, что «Анонимная летопись» была создана на основе греческих источников в Валахии, где ее использовал в XVII в. местный хронограф Михаил Мокса [25; 28; 29; ср.: 20]. Для такого вывода, как представляется, нет достаточных оснований. Хотя в центре летописи скорее история отношений Османов и Византии, наиболее значительное после этого внимание уделено болгарской и сербской истории, тогда как валахская «проявляется» лишь в связи с ними. Использование же византийского материала как базового – как раз вполне в традициях болгарского, но не сербского или валахо-молдавского историописания. Однако нельзя не признать, что за гипотезой стоит признаваемая по умолчанию непривычность летописного жанра для более ранней болгарской традиции. В Сербии летописание появляется незадолго до создания «Болгарской анонимной летописи» – только в последней трети XIV в.

В этот же период болгарские авторы впервые обращаются к жанру жития, посвященного святым правителям – но правителям Сербии. Таковы «Житие Стефана Дечанского» Григория Цамблака [2:52-53, 488-507, 687-694] и «Житие Стефана Лазаревича» Константина Костенецкого [3:55-56, 111-150, 358-375]. В обоих случаях авторы – болгары по происхождению, живущие в Сербии, и внимание к болгарской истории у них чувствуется, хотя и остается периферийным.

Обзор проблематики, связанной с болгарской исторической традицией, будет неполным без упоминания о про-

должении и отражении ее в России XV–XVI вв. В Русском Хронографе начала XVI в. и других сочинениях, описывавших всемирную историю, есть сведения об истории Болгарии. Однако они фрагментарны даже в описании Второго царства и всецело основаны на источниках византийского и сербского происхождения. Впрочем, среди «сербских» основными были именно написанные болгарскими авторами жития, упомянутые выше. Главным влиянием болгарской традиции (в том числе через сербское посредство) на русскую, связанным с южнославянским исходом на Русь XIV–XV вв., являлась трактовка всемирной истории. Она имела как сходства, так и заметные отличия от собственно болгарской, но в корнях явно созвучна ей.

Начиная с Пахомия Сербя в середине XV в. в русской книжности воспринимается новая концепция смены мировых царств. В ней подчеркивалось, что до последнего времени в православном мире царства не сменяли друг друга, но по Божьей милости сосуществовали. Балканское православное «троецарствие» включало одновременно существовавшие Византию, Болгарию и Сербию. Но ныне они рухнули под ударами турок. Россия является возвышающимся царством славянского «троецарствия» и потому естественно наследует павшим царствам Болгарскому и Сербскому. Но поскольку пала и Византия, то Россия ныне — наследница всей православной царственности, призванная хранить ее на земле. Из этой ясно выраженной в Хронографе идеи еще до его создания, со времен Ивана III, естественно выростала провиденциальная концепция «Третьего Рима». В ней воспоминания о славянских царствах играли уже незначительную роль. Линия преемственности мировых и православных царств велась от Византии к Руси — сбывшееся воплощение в другой стране несбывшейся мечты болгарских книжников.

Литература

1. *Алексеев С.В.* Летопись попа Дуклянина: Перевод и комментарий. СПб.: Петербургское востоковедение, 2015. 288 с.
2. *Алексеев С.В.* Памятники сербской средневековой историографии XIII–XVII вв.: Переводы и исследование. Т. 1. Жития святых Симеона и Савы. Жития королей и архиепископов Сербских. СПб.: Петербургское востоковедение, 2016. 720 с.
3. *Алексеев С.В.* Памятники сербской средневековой историографии XIII–XVII вв.: Переводы и исследование. Т. 2. Жития XIV–XVII вв. Родословы. Летописи. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. 464 с.
4. *Алексеев С.В., Плотникова О.А.* От предания к литературе: устная историко-эпическая традиция в древнейших памятниках славянской словесности. М.: Академический проект, 2021. 750 с.
5. *Бешевлиев В.* Началото на българската държава според апокрифен летопис от XI в. // Средновековна България и Черноморието. София: Георги Бакалов, 1982. С. 39–45.
6. *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. София: Издателство на БАН, 1992. 355 с.
7. Българската анонимна хроника от XV век / Изд. И. Тютюнджиев. Велико Търново: Елпис, 1992. 254 с.
8. Гръцки извори за българската история. Т. IX. Произведения на Теофилакт Охридски, архиепископ Български, относящи се до българската история. Ч. II. Житие на св. Климент Охридски, мъченичеството на 15-те Тивериуполски мъченици, писма, стихотворение, посветено на Никифор Вриений, част от обяснението към писмото на ап. Павел до римляните / подг. И.Г. Илиев. София: Издателство на БАН, 1994. 240 с.
9. *Златарски В.Н.* Най-старият исторически труд в старобългарската книжнина // Списание на БАН. 1923. №27. С. 132–182.
10. *Иванов Й.* Български старини из Македония. София: Наука и изкуство, 1970. 704 с.
11. *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. София: Наука и изкуство, 1970. 400 с.
12. *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов: Исследование и текст. Приложения. М.: Университетская типография, 1893. 739 с.

13. *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М.: Джон Уайли энд Санз, 1994. 473 с.
14. *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб.: Алетейя, 1999. 604 с.
15. *Моллов Т.Д.* Мит – эпос – история: Старобългарските историко-апокалиптични сказания (992–1092–1492). Велико Търново: Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 1997. 256 с.
16. *Москов М.* Именник на българските ханове. София: Д-р Петър Берон, 1988. 368 с.
17. *Пиотровская Е.К.* «Летописец вскоре» Константинопольского патриарха Никифора в славяно-русской письменной традиции. СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. 240 с.
18. *Полывянный Д.И.* Известия о начале болгар и Болгарии в средневековых византийских и болгарских исторических сочинениях // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. Вып. 10. 2018. С. 145–163.
19. *Полывянный Д.И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV вв. Иваново: Ивановский государственный университет, 2000. 290 с.
20. *Полывянный Д.И.* Болгарская анонимная хроника: опыт аналитической декомпозиции // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24. 2019. №6. С. 173–183.
21. Родник златоструйный: Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв. / пер. И. Калиганова и Д. Полывянного. М.: Художественная литература, 1990. 527 с.
22. Симеона Метафраста и Логофета списание мира от бытия и Летовник собран от различных летописцев: славянский перевод хроники Симеона Логофета с дополнениями / изд. подг. В. И. Срезневским. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1905. XVI, 239 с.
23. Среднеболгарский перевод хроники Константина Манасии в славянских литературах / изд. и иссл. И.С. Дуйчева, М.А. Салминой, О.В. Творогова. София: Издательство БАН, 1988. 489 с.
24. *Турилов А.А.* *Slavia Cyrillomethodiana*: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси: Межславянские культурные связи эпохи средневековья. М.: Знак, 2010. 408 с.

25. *Трендафилов Х.* Затворената история и нейните проливи. Велико Търново: УИ «Епископ Константин Преславски»; Фабер, 2018. 176 с.
26. *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1996. 360 с.
27. *Jacobs A.* ΖΩΝΑΡΑΣ = ЗОНАРА: Die byzantinische Geschichte bei Joannes Zonaras in slavischer Übersetzung. München: Fink Verlag, 1970. 288 ss.
28. *Mureşan D.* Zographou and the transfer of the Bulgarian imperial idea in Moldavia // *Bulgaria Mediaevalis*. 2011. Vol. II. P. 705–755.
29. *Nastase D.* La version slave de la chronique byzantine perdue de Jean Chortasménos (début du XVe siècle) // *Études byzantines et postbyzantines*. 2006. Vol. 5. P. 321–363.

Приложение

БОЛГАРСКАЯ АПОКРИФИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Перевод выполнен по изданию: 26:195-198.

Сказание Исаии пророка, как вознесен был ангелом до 3-го неба

Се, я, Исаия пророк, Богом возлюбленный во пророках, Господом нашим Иисусом Христом, пришел по Божьему повелению сказать о том, что будет в последние дни рода человеческого на земле со всеми. Не я говорю сие, братия, но Отец Небесный Духом Святым Своим сказал мне. А я говорю сие вам, и вот как. Когда Господь изволил на мне Свое благоволение, то послал святого ангела Своего ко мне, и тот, взяв меня от земли на высоту небесную, возвел потом на второе небо. И увидел я там много нестроения, и возрадовался весьма о видении том, и смутились все кости мои. И рек мне ангел, ведущий меня: «Подвизайся, Исаия, да увидишь славу Божию, великую и неизреченную». И возвел меня потом оттуда на 3-е небо, и на 4-е, а там и на 5-е, и на 6-е, и самого 7-го неба достигли мы. И тут

увидел я Судию, сидящего на престоле высоком и превознесенном, а окрест его увидел реку огненную, горящую и клочущую, и тысяча тысяч ангелов служили Ему, и тьмы тем предстояли Ему. И еще видел одесную Его пение ангельское, а с шуйцы его плач грешных. Тогда я спросил ангела, ведущего меня, и рек ему: «Господин, покажи мне Господа моего, призвавшего меня от чрева матери моей»¹⁰. И сказал мне ангел сил Господних: «Услышь, избранный Божий пророк Исаия, – невозможно в теле увидеть Господа своего, но только Глас Его услышишь, обращенный к тебе». И вот, потом услышал я Глас Господа Бога моего, ко мне глаголющего: «Исаия, Исаия, возлюбленный мой, иди и скажи роду человеческому на земле обо всем том, что видел и слышал, о том, что будет в последние времена последнему роду». А я сказал ему: «Господи, добро мне здесь быть, – не возвращай меня туда, откуда я пришел». Тогда услышал я Глас Господа моего, глаголющего ко мне: «Исаия, возлюбленный мой пророк, как же иначе оповестить живущих на земле людей? После тебя ведь другого пророка не будет, – никому никогда больше ни взойти, ни сказать реченное Мною». И вот после этого снес меня ангел Господень с небес и поставил долу на землю.

И потом услышал я Глас другой, ко мне глаголющий: «Исаия, возлюбленный мой пророк, иди на запад от вышних стран Рима, отлучи третью часть куманов, называемых болгарами, и насели землю Карвунскую, которую запустили римляне и эллины». Тогда же я, братия, по Божьему повелению пришел на левую сторону Рима и отделил третью часть куманов, и повел, показывая путь тростью; и довел их до реки, что зовется Затиуса, и к другой реке, называемой Ереуса, – были тогда 3 реки великие. И насадил я землю Карвунскую, назвав Болгарской, – ведь опустела она от эллинов за 130 лет до того. И насадил я ее множеством людей от Дуная до моря, и поставил им царя от них, –

¹⁰ Намек на богомильскую теологию. Исаия не видит в Судии (т.е. ветхозаветном Боге) истинного Бога.

ему же имя было Слав-царь¹¹. И тот-то царь населил хоры и грады. А люди те были несколько поганые. И тот же царь сотворил 100 могил в земле Болгарской. Тогда нарекли ему имя «100 могил царь». И было в те годы изобилие всего, и было 100 могил в царстве его. И это был первый царь в земле Болгарской, а царствовал лет 100 и 19, и скончался.

И по нем обрелся иной царь в земле Болгарской, младенцем в корове вынашивавшийся 3 года¹², и нарекли имя ему Испор-царь¹³, когда принял царство Болгарское. И тот царь создал грады великие: и на Дунае Дристру-град он создал, и великий Презид от Дуная до моря он создал, и Плиску-град. И тот царь многое множество измаильтян погубил. И тот царь населил всю землю Карвунскую, где прежде были эфиопы. И родил Испор одного отрока, и нарек ему имя Изот. Царь же Испор царствовал над землей Болгарской 172 года, а потом погубили его измаильтяне на Дунае. И после смерти Испора, царя болгарского, нареклись куманы болгарями. А прежде Испора были они весьма погаными, безбожными, и пребывали в нечестии многом, и много лет были врагами Греческому царству.

Потом же перенял царство Болгарское сын Испора-царя, ему же имя Изот¹⁴. И тот царь погубил Озию-царя от востока с воинами его, и Голиада, фруга поморского. И в годы Изота, царя болгарского, были грады весьма в чести. И родил Изот-царь 2-х отроков: одного же назвал Борисом, а другого Симеоном¹⁵. Царь же Изот царствовал 100 лет и 3 месяца, и в граде, называемом Плиска, скончался.

По смерти же Изота-царя перенял царство Болгарское сын его Борис, и был весьма благочестивым и благовер-

¹¹ Видимо, фольклорный персонаж (ср., впрочем, болгарские княжеские имена VIII–XIII вв.: Славун, Слав).

¹² Отражение тотемического мифа. Иной, намного менее вероятный вариант перевода: «в коробе носимый».

¹³ Хан тюрко-болгар Аспарух (ум. ок. 700), основатель Болгарского ханства на Дунае.

¹⁴ Вымышленный персонаж.

¹⁵ Креститель Болгарии Борис-Михаил (852–889) и его сын (а не брат) первый царь Симеон (893–927).

ным. И тот царь крестил землю Болгарскую, и создал церкви по земле Болгарской, — и на реке Брегалнице, и там, где принял царство, на Овчем Поле, создал белые церкви. И пришел на Добрич, и там окончил жизнь свою. А царствовал он 16 лет, не имея ни греха, ни жены¹⁶. И было благословенно царствование его, и скончался он с миром о Господе.

Потом же перенял царство Болгарское Симеон, брат его, и создал грады великие по морю. И великий град Преслав он возвел, где и принял царство до града под названием Звечан и до Солуни. А укреплял и возводил он Преслав 28 лет. И много знаменитого сотворил царь Симеон. Царствовал он 130 лет, и родил святого Петра¹⁷, царя болгарского, мужа святого и праведного чрезвычайно. А тогда, в то время, когда царствовал царь Симеон, взимал он дань со всей земли своей, по всем областям царства своего, — только горсть льна, ложку масла и одно яйцо в год. Такова была дань ему от его земли и его людей, а ничего иного сверх того ему не было. И было изобилие многое во времена оны, при царе том Симеоне.

И по смерти его перенял царство Болгарское сын его царь Петр, и стал царем болгар, а также греков, и царствовал в земле Болгарской 12 лет, не имея ни греха, ни жены. И благословенно было царствование его. Ведь тогда, во дни и годы святого Петра, царя болгарского, было изобилие во всем, — сиречь пшеница и масло, мед, и молоко, и вино, и все дары Божии набухали и кипели. И не было оскудения ни в чем, но были сытость и изобилие во всем, пока изволил Бог. И тогда, в годы святого Петра, царя Болгарского, обрелась жена некая, вдовица младая, и мудрая, и очень праведная, в земле Болгарской, именем Елена, и родила Константина-царя¹⁸, святого мужа и праведного. Это

¹⁶ Черта богомильской морали. Именно по этой причине Симеон в «летописи» стал братом Бориса.

¹⁷ Петр, сын Симеона, царь Болгарии (927–969)

¹⁸ Персонаж, объединяющий Константина I Великого (305–337 гг.) и Константина VII Багрянородного (913–959 гг.).

был сын Константина Зеленого от матери Елены, и это-то Константин, прозываемый Багрянородным, царь римский. И из-за зависти мать его Елена, когда оказалась беременной, бежала от эллинов римских в Визу-град, и там родила Константина-царя. А ему явился ангел Господень, и благовествовал ему Честной Крест на востоке. А Петр-царь и Константин-царь друг друга любили. И собрал тот воинов своих, и, взяв мать свою, пошел на восток за море, к Краниевому месту. А там, где был Константин-царь, был малый град именем Византия. И дошел Константин-царь до того места, и увидел место пустое от моря до моря, и помыслил про себя: «Если дойду до Краниева места и обрету Честной Крест Христов, на котором распял Себя Христос, то возвращусь опять на это место пустое, возведу град и нареку имя ему Новый Иерусалим, – святым для упокоения, царям на украшение». А пока Константин-царь ходил к Краниевому месту, пришли какие-то насильники, как бы исполины, и погубили землю Болгарскую по морю¹⁹. А Петр, царь болгарский, праведный муж, оставил царство и бежал на запад, в Рим, и там окончил житие свое.

И потом восстал другой царь, именем Селевкия, а прозвище ему Семиклит²⁰. И он, сойдя с горы, называемой Витоша, пошел на поле, называемое Романия, и там принял царство. И он создал 5 градов в земле Болгарской: 1 Пловдив, 2 Срем, 3 Брезник, 4 Средец, 5 Ниш. И царствовал Селевкия-царь в Средце-граде и в земле Болгарской 37 лет, и окончил житие свое под градом Брезником. А пока строил Селевкия 5 градов в земле Болгарской, царь Константин, обретя Честной Крест Христов, возвратился обратно, и пришел ко граду Византии, и помыслил про себя, и сказал: «Зачем такому месту пустовать? Я возведу град и нареку имя ему Константиноград». И послал Константин-царь в Рим куратора злого. «Иди, – сказал, – и пригони воинов римских за 3 года». А куратор зол был, и совещался

¹⁹ Вторжение киевского князя Святослава в Болгарию (968–969 гг.).

²⁰ Вымышленный персонаж (см.: 4:586–590).

с эллинами, чтобы погубить Константина и мать его Елену. Увидел Господь высокомерное буйство их, и поразил их палицей невидимой, и стали невидимы. Куратор же злой не имел ни жены, ни детей. И забрали римлян в Новый Иерусалим. Тогда святой Константин, устроив все царство Иерусалимское, палаты царские, пошел с войсками на Дунай, и возвел град Бдин, а прозвание ему Семиглавый Вавилон. И опять Константин населил землю Болгарскую от земли Западной. И создал царь Константин 70 градов, взяв все те земли, и пребывал затем на царстве своем 62 года, и скончался.

По нем же опять восстал царь в земле Болгарской, ему же имя Симеон²¹, и царствовал 12 лет, и скончался.

И по нем обрелся иной царь, именем Никифор²², и перенял царство Болгарское. И он погубил Максимиана, царя незаконного, и воинов его. И он создал Димотик, и Морунец, и Сер, а на западе Белград и Костур, и на Дунае Никополь. И царствовал он 43 года, и погиб.

И был у него отрок, имя ему Симеон Премудрый²³, и принял царство Болгарское, бесчестный и злой к людям, и погубил землю Болгарскую, Иерусалимскую и Римскую, Константина-царя область. И тогда вzywали все люди о Симеоне-царе: «О, люто нам, братия, от сего царя!» Пребывал же Симеон-царь на царстве своем 4 года и скончался.

И потом обрелся от иного чресла царь, именем Василий²⁴. Тогда пал венец благочестивого и христолюбивого царя Константина на главу его, и принял Василий царство, и погубил все земли враждебные и языки поганные, как какой-нибудь храбрый муж. Во дни Василия-царя много

²¹ Вероятно, тот же Симеон I. Отражается представление о нем, как о царе, после которого Болгария была подчинена Византией (что неточно).

²² Никифор Фока, император Византии (963–969 гг.), начавший завоевание Болгарии.

²³ Еще одно появление Симеона I. Этот «негативный» вариант его образа совпадает с несколько более ранним апокрифом «Сказание Исаии».

²⁴ Василий II Болгаробойца, император Византии (976–1025 гг.), завоеватель Болгарии.

благ было людям. Пребывал же Василий на царстве своем 30 лет, ни жены, ни греха не имея. И благословенно было царствование его.

И во дни Василия-царя обрелось в царях три брата, от вдовицы-пророчицы, Моисей, Арон и Самуил. И был отрок Самуилов именем Августин²⁵. И он принял царство Болгарское и Греческое, и царствовал 37 лет.

И потом восстал иной царь, – вдовица. И приняла царство, и царствовала 3 года, и скончалась.

И потом восстал царь иной, именем Роман²⁶, опять от того же чресла, и принял царство Болгарское. И он собрал воинов своих, и разъярился на восточного царя, и пошел по морю на восток, чтобы погубить двух царей, а погубил воинов своих. И возвратился с востока в град Преслав. И пребывал на царстве своем Роман-царь 9 лет, и скончался.

И потом обрелся иной царь, сын праведной Теодоры²⁷, благоверный царь и благочестивый. И он создал великие монастыри по земле Болгарской и Греческой. И в царствование его все блага были. И пребывал на царстве своем царь тот 23 года, и скончался.

И потом вышел иной царь, именем Гаган, а прозвище ему Оделян²⁸, прекрасный весьма, и принял царство Болгарское и Греческое, и в Кумиде погубил два града, что были у самого моря; и создал 3 града в земле Болгарской:

²⁵ Братя-комитопулы, правители Западноболгарского царства: Моисей (ум. ок. 976), Арон (ум. 987), Самуил (997–1014 гг.). Внуком Арона был Алусиан, в 1040 г. неудачно пытавшийся стать болгарским царем.

²⁶ Скорее всего, царь Гавриил-Радомир (Роман) (1014–1015), сын Самуила.

²⁷ Возможно, дуклянский князь Стефан-Воислав (1040–1052), чей двоюродный брат и предшественник Иван-Владимир (999–1016) был женат на дочери Самуила Теодорите; сам Стефан был женат на неизвестной внучке Самуила. Внук Стефана, Константин Бодин, был в 1071 г. провозглашен царем Болгарии.

²⁸ Петр Делян, царь Болгарии (1040–1041). Его неудачное восстание против Византии сходно, но намного подробнее, отразилось в «Сказании Исая», а также в «Толковании Даниила». На нем заканчивается «историческая» часть «летописи».

1 Червен, 2 Несебр; 3 Штип. И он царствовал 28 лет, и зарублен был иноплемениками на Овчем Поле.

И потом восстал иной царь от Константинограда, именем Арев, и сел на престоле Константина-царя, и царствовал 7 лет, и скончался.

И потом восстал другой царь от южной страны, именем Тургий. И он взял венец Константина-царя, и захватывает всё царство Болгарское и Греческое, и царствует 17 лет, и скончается.

А потом еще вышли некие насильники и обманщики, называемые печенегами, неверные беззаконники.